Н О В Ы Й
ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ВСѢХЪ

1910 г. ФЕВРАЛЬ №16

ТЕАТРАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Статья Л. Василевскаго.

На этотъ разъ приходится начать съ некролога, притомъ некролога о живой пьесѣ, находившейся въ расцвѣтѣ своего сценическаго бытія: «Анатома» за-
прещенъ къ представленію.

Пьеса шла — съ цензурнаго разрѣшенія, разумѣется,—въ обѣихъ столицахъ и во всей провинціи, ее пересмотрѣли и «допустили» десятки мѣстныхъ «цензуръ», и теперь, пройсками какихъ-то черныхъ изувѣровъ, она погибла для русской сцены.

Нарушены однимъ росчеркомъ пера существенные интересы автора, и театровъ, и публики; дана новая и выразительная иллюстрація къ современной «свободѣ творчества»...

Лишившись основной пьесы своего репертуара, Новый Драматическій театръ отчасти восполнилъ образовавшуюся въ репертуарѣ прорѣху постановкой «Цезаря и Клеопатры» Б. Шоу.

Парадоксальный умъ, желчный талантъ и острый юморъ англійскаго драматурга сказались въ этомъ «историческомъ фарсѣ» съ большой яркостью.

Отвергая всякій историческій канонъ, Шоу лишаетъ своего Цезаря всякаго ореола величія, дѣлаетъ его «домашнимъ» и обыденнымъ; повинувъ своей страсти къ парадоксу и неожиданности, онъ даетъ своей Клеопатрѣ много чертъ современной европейской женщины, одновременно хищной и простодушной, дѣтски-ребячливой и проникательной.

На фонѣ великолѣпнаго жанра авторъ разсыпалъ много искрометнаго юмора и милыхъ діалоговъ.

Съ большой фантазіей и съ хорошимъ вкусомъ поставленная Ф. Ф. Комиссаржевскимъ, пьеса Шоу для второстепенныхъ персонажей нашла хорошихъ и стильныхъ исполнителей, но обѣ заглавные роли не подошли къ природнымъ свойствамъ дарованія г-жи Садовской и г. Александровскаго. И за всѣмъ этимъ пьеса Шоу—всегаки самая удачная постановка за сезонъ въ этомъ театрѣ.

На Александринской сценѣ поставили за истекшій мѣсяцъ «Свѣтлую личность» Е. Карпова и возобновили «Волковъ и Цеца» въ новомъ составѣ; для ученическихъ спектаклей въ Михайловскомъ театрѣ александринской труппой очень прилично поставленъ «Уриэль Агоста».

Пьеса Е. Карпова примыкаетъ къ цѣлому ряду пьесъ сезона, облачающихъ дѣловой и свѣтскій Петербургъ. Подобно «Волотнымъ огнямъ» П. Гвѣдича, «Милымъ людямъ» В. Тихонова, «Звѣздѣ нравственности» В. Протопопова и—отчасти—«Обывателямъ» В. Рышкова, здѣсь опять выводятся на чистую воду аферисты и аферистки разныхъ ранговъ.

Ироническое заглавіе пьесы относится къ хитрой, пронырливой свѣтской дамѣ Зиминной, которая и своей ловкостью въ дѣлахъ, и своимъ обаяніемъ женщины пользуется для обогащенія, для проведенія въ денугаты своего мужа и пр.

Содержаніе пьесы, такимъ образомъ, далеко не блестящее оригинальностью; налетъ злободневности приближаетъ ее, кромѣ того, къ феллетону. Но сценическая опытность автора придала многимъ изъ персонажей не только правдивость, но и извѣстную выпуклость, а превосходное изображеніе главныхъ ролей Савиной, Давыдовымъ, Аполлонскимъ и др.

дѣлаетъ первые, по крайней мѣрѣ, два акта занимательными.

Вторая половина пьесы въ смыслѣ техническомъ вышла неудачной: дѣйствіе объединено здѣсь просто тѣмъ, что цѣлый рядъ лицъ поочередно приходятъ къ Зиминной, ведутъ дѣловую бесѣду и уходятъ отъ нея, давая впечатлѣніе механической навизанности.

Одна изъ самыхъ удачныхъ новинокъ за истекшій мѣсяцъ появилась, какъ это ни странно, на сценѣ Малаго театра. Очень граціознѣе одноактный водевиль Ю. Бѣляева «Путаница или 1840 г.» Дебютная пьеса даровитаго театральнаго критика дѣлаетъ смѣльную—и удачную—попытку воскресить водевиль, со времени Чехова, какъ извѣстно, умершій въ русской драматургіи.

Фабулы здѣсь въ сущности нѣтъ: въ полный гостей домъ чиновника 1840 года влетаетъ «душа стараго водевиля, золотая пыль театра» въ лицѣ очаровательной «Путаницы» и сразу же перепутываетъ всѣхъ и все въ домѣ; поссоривъ друзей и снова помиливъ ихъ, обвѣявъ ихъ всѣхъ воздушностью и граціей прошлаго, она исчезаетъ, не давъ никому опомниться.

Въ бездѣлушкѣ дебютанта нѣтъ основнаго стержня, нѣтъ главной оси, но милая шутка, изящный стиль, граціозность замысла дѣлаютъ ее интереснымъ приобрѣтеніемъ сезона.

Къ образу «Путаницы» необыкновенно подошла талантливая г-жа Вадимова, давшая стильную, очаровательную гравюру.

Вторая новинка Малаго театра, «Вольные каменщики» г. Безпята тоже выше обычнаго репертуара этой сцены. Дѣйствіе пьесы г. Безпята относится ко второй половинѣ 18 вѣка въ Россіи и рисуетъ бытъ и идеологию русскаго массонства.

Историчности въ пьесѣ мало, хотя фонъ ея и большинство дѣйствующихъ лицъ—историческія, но здѣсь нѣтъ по крайней мѣрѣ той слащавой прилизанности, того панегиризма казеннаго образца, какимъ обычно проникнуты драмы этого рода.

Далеко не безупречна и структура пьесы; помимо растянутости, даже ненужности отдѣльныхъ сценъ, характеристики дѣйствующихъ лицъ страдаютъ эскизностью, не схватываютъ яркихъ, типическихъ чертъ, что для пьесы, рисующей прошлое, особенно необходимо.

Глазныи же интересъ пьесы г. Безпята—въ сценахъ самого массонства, и сцена, напр., посвященія въ ложу смотрится какъ оригинальное и любопытное зрѣлище. Массонство впервые появляется здѣсь на русскихъ подмосткахъ, а такимъ образомъ открыта для разработкы драматурга новая и очень богатая полоса русской духовной культуры.

Изъ новыхъ театральныхъ предпріятій заслуживаетъ быть отмѣченнымъ театр «Сказка», гдѣ ищутъ красоты непосредственной сказочной романтики, что должно явиться реакціей, какъ сказать, противъ крайностей натурализма и взвѣщенной символки на сценѣ.

Культивировать «красивые вымыслы»—дѣло, конеч-

но, благое, но почему нужно для этого замыкаться въ узкій, во всякомъ случаѣ, кругъ простой сказочки?

Большой вопросъ также, хватитъ ли для такого начинанія достаточно художественныхъ, интересныхъ и разнообразныхъ сказокъ поддающихся инсценировкѣ?

И въ состояніи ли такой спеціальный репертуаръ поддерживать постоянный интересъ публики?

Для начала Новый театръ ставитъ изящную—слишкомъ длинную, къ сожалѣнію,—сказку Мирры Лохвицкой «Ванделикъ», написанную легкимъ, мелодичнымъ стихомъ, далѣе сказку Андерсена «Принцесса и пастушокъ» и «Сказку» А. Нѣмюевского.

Лучше всего Андерсенъ, — здѣсь и стиль выдержанъ, и есть фантазія въ постановкѣ, и играютъ недурно; въ остальныхъ исполненіе далеко не на высотѣ задачи, стиль спотыкается, а у Нѣмюевского символы, кромѣ того, замѣнены сухими, идущими изъ головы аллегоріями.

День 17 января, день чеховскаго юбилея, былъ отмѣченъ большинствомъ театровъ.

Въ Александринскомъ и Маломъ театрѣ поставили «Вишневый садъ», при чемъ въ Маломъ состряпали юбилейный спектакль съ позорной торопливостью, не позаботившись о должномъ распредѣленіи ролей и сыгранности.

Въ Новомъ Драматическомъ театрѣ поступили немногимъ лучше: не удосужились разучить какую-нибудь новую чеховскую пьесу, а дали просто рядовой спектакль съ «Тремя сестрами» и рядовымъ составомъ исполнителей.

Огромный художественный успѣхъ имѣли посвященные Чехову вечера Литературнаго фонда и кружка писателей въ Новомъ театрѣ.

Вообще же пути чеховскаго театра въ послѣднее время остались въ сторонѣ отъ большой дороги русской драматургіи,—по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ: художественный театръ въ Москвѣ навсегда, конечно, останется хранителемъ завѣтовъ почившаго писателя, любящимъ истолкователемъ и ученикомъ его. Но незамѣтное сейчасъ въ цѣломъ, вліяніе Чехова сказывается все же въ маленькихъ, но типичныхъ и существенныхъ штрихахъ; отъ обаянія его лирики не можетъ уйти теперь ни одинъ художникъ сцены.

И когда пройдетъ то расплывчатое и неопредѣленное переходное состояніе, какое переживаетъ русская сцена, онъ вернется къ театру Чехова, къ его пѣвучей лирикѣ, къ его сдержанному паѳосу, къ прозрачному символизму его образовъ, къ одухотворенной реалистичности его письма и безграничной дали его намековъ.

Л. Василевскій.